

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

*Телятицкая Т.В., кандидат
юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой
экономического права
Минского института
управления*

Резюме. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу законодательства об административной ответственности Республики Беларусь и ряда зарубежных стран.

На основе изучения действующих нормативно-правовых актов в данной сфере, делаются конкретные предложения по заимствованию передового зарубежного опыта, а также акцентируется внимание на новшествах Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь.

Summary. This article is devoted to comparative legal analysis of Belarusian and foreign managerial responsibility legislation. Specific suggestions regarding the adoption of advanced foreign experience are made based on the study of the current normative and legal acts in this field and special attention is paid to the innovations in the Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus.

Изучение административного законодательства зарубежных государств имеет важное методологическое значение для науки административного права и совершенствования правоохранительной деятельности, ибо становление Республики Беларусь как правового государства требует поиска новых направлений в борьбе с административными правонарушениями. В свое время известный правовед Н.Д. Сергеевский отмечал, что научное исследование не может ограничиваться отечественным правом. В качестве необходимого материала должно привлекаться и право других государств, поскольку цивилизованным народам не суждена замкнутая жизнь и поэтому нельзя игнорировать международное влияние, проникающее во все сферы [1, с.2-3]. Это актуально и для XXI века, когда процессы глобализации и интеграции мирового сообщества повлияли на усиление актуальности вопросов взаимопроникновения правовых национальных культур и выработку единых правовых ценностей и демократических принципов.

Следует отметить, что проблематика правовой регламентации ответственности за административные правонарушения в зарубежных странах в отечественной науке административного права остается малоисследованной. Научные работы, публиковавшиеся до сих пор, как правило, касались вопросов либо в целом административного права зарубежных стран, либо представляли собой обзоры отдельных его институтов: административного процесса, государственного и муниципального управления, государственной службы и иных.

В правовой литературе конкретных зарубежных стран также представлено сравнительно небольшое число комплексных правовых исследований своего собственного административного законодательства. В большинстве случаев рассматриваются лишь теоретические и прикладные проблемы предупреждения административных правонарушений в отдельных отраслях и сферах (налоговой, транспортной, экологической и иных). Комплексные же вопросы административной ответственности изучены мало и толкуются в различных странах по-разному, а порой и противоречиво, что в значительной степени затрудняет эффективное применение законодательства в борьбе с противоправными деяниями.

Одним из ключевых в административном праве зарубежных стран является вопрос о соотношении преступления и административного правонарушения. Это связано с двойственностью природы зарубежного административно-деликтного законодательства и его тяготением к уголовному праву, которое сложилось исторически, когда наряду с тяжкими противоправными деяниями (убийство, кража, разбой и т.п.) в законодательстве закреплялись и правонарушения, представляющие весьма незначительную степень общественной опасности.

Во многом это прослеживается и в современном зарубежном законодательстве. В частности, вопросы ответственности за административные правонарушения регулируются уголовным законодательством таких стран, как Алжир (УК 1966 г.), Венесуэла (УК 1926 г. в ред. 1964 г.), Индонезия (УК 1915 г.) и некоторых других.

В то же время общемировая тенденция развития административного права свидетельствует об осознании необходимости отделения административно-деликтного законодательства от общеуголовного. Так, например, в Аргентине право издавать законодательство о «*contravenciones*» (нарушениях) делегировано местным правительствам. В Бразилии с 1941 г. кроме УК действует Закон об уголовно наказуемых нарушениях, регламентирующих ответственность за иные (кроме преступлений) уголовно наказуемые деяния. УК Венгрии 1978 г. делит все криминальные деяния на преступления и проступки, относя при этом к преступлениям только те деяния, за которые может быть назначено лишение свободы на срок свыше двух лет (все остальное – проступки).

Самостоятельное административно-деликтное законодательство действует в таких странах, как Болгария (Закон «Об административных правонарушениях и взысканиях» 1969 г. в ред. 1996 г.), Китай (Закон «Об административных наказаниях» 1996 г.), Германия (Закон «Об административных правонарушениях» 1968 г. в ред. 1975 г. с послед. изменениями), Франция (Кодекс административного права в ред. 2000 г.).

Процесс постепенного отделения административных правонарушений от преступлений, с одной стороны, повлиял на развитие правовых теорий разграничения соответствующих понятий; с другой – на активизацию научно-правовых исследований в отношении понимания сущности формирующегося института административного проступка.

С научной точки зрения наибольший интерес представляет концепция профессора Д. Голдшмидта (Германия), которого считают основателем права административных правонарушений. В его теории содержалось обоснование наличия самостоятельного вида противоправного деяния, отличающегося по своей правовой природе от преступления. Этот ученый выявил двоякость содержания некоторых составов преступлений и доказал право на существование так называемого административно-противоправного деяния.

Он раскрыл содержание административного проступка как части уголовного права в широком смысле и как института административного права. Д. Голдшмидт ввел в науку административного права положение о необходимости строгой дифференциации уголовного преступления и административного деликта [2, с.342].

Продолжатели теории Д. Голдшмидта Е. Вольф и Х. Ланг подтвердили, что с формальной стороны административный проступок относится к уголовному законодательству (уголовное право в широком смысле), а с материальной – к административному [3, с.49–57; 4] (исходя из природы интересов администрации – управления). Некоторые идеи Д. Голдшмидта нашли отражение в проектах Уголовного кодекса Германии (1909, 1911 гг.), в которых прослеживается попытка формального разграничения преступлений (*Verbrechen*) и незначительных преступлений (*Vergehen*). Выводы Д. Голдшмидта были использованы и в более поздних актах – Законе ФРГ «О наказаниях в сфере экономики» 1949 г. и в первом Законе Германии «Об административных правонарушениях» 1952 г.

Дальнейшее развитие законодательства не могло не повлиять на теоретические исследования в области регулирования административной ответственности и привели к формированию современных концепций разграничения уголовно наказуемых и административно наказуемых деяний. Нельзя сказать, что они принципиально отличались от ранее предлагаемых концепций, но, тем не менее, их интерпретация строилась с учетом сформировавшегося и законодательно закрепленного института – административного правонарушения.

В настоящее время во многих европейских странах разработаны унифицированные критерии разграничения административного правонарушения от уголовного преступления (степень общественной опасности; социально-этическая ценность объекта посягательства (общественного отношения); подведомственность государственных органов по рассмотрению дела; вид юридической ответственности за правонарушение; вид наказания как непосредственного негативного последствия за правонарушение и иные).

Вместе с тем в последние десятилетия все отчетливее прослеживается тенденция влияния на национальное законодательство норм общеевропейского права. К тому же современное национальное право большинства стран

не просто ссылается на нормы европейских договоров и соглашений, но и создает национальные нормы, детализируя обязательные директивы Европейского сообщества. Таким образом, европейское право проникает и активно влияет на процесс правотворчества в государствах – членах ЕС. Это свидетельствует о том, что национальное право данных государств обладает рядом особенностей, сформировавшихся под влиянием процесса издания норм Евросоюза.

В национальных правовых системах появляется все большее число отсылок к праву Европейского сообщества норм. Это означает расширение сферы применения административно-деликтного законодательства отдельных европейских стран под влиянием права Европейского сообщества. Причем процесс интеграции национальных правовых систем государств-членов Евросоюза зашел настолько далеко, что дает основания говорить о европейском праве как юридической надстройке, элементы которой глубоко проникли во все сферы отношений государств – членов Союза.

Современное европейское право признает за Европейским сообществом право издавать правовые нормы, рассматривая установление административных взысканий как одно из интернациональных правовых мероприятий. Вместе с тем остается открытым вопрос о соотношении административно-правовых санкций Европейского сообщества с санкциями, устанавливаемыми национальным административным правом. В то же время в европейском праве имеется целый ряд соглашений и договоров, затрагивающих сферу права административных правонарушений. Это, например, Европейское соглашение о наказании за правонарушения в сфере дорожно-транспортного движения от 30 декабря 1964 г., Европейское соглашение об исполнении приговоров о наказании. Помимо многосторонних договоров и соглашений, к которым страны европейского сообщества вправе присоединиться, отдельные страны Евросоюза заключают довольно большое количество двусторонних договоров и соглашений, направленных на регулирование оказания правовой помощи, в том числе и по административным делам, и носящих общеправовой характер.

Как видим, сфера права административных правонарушений достаточно широко представлена в актах международно-правового характера, действующих в Европейских странах уже достаточно длительное время.

Достаточно широкое распространение получила в Европе и сфера административной ответственности юридических лиц. Так, уже около 40 лет административные штрафы широко применяются в европейском антимонопольном праве, и их размеры составляют 10% годового оборота предприятий.

Однако наиболее распространенной сферой применения административно-правовых санкций в европейских странах является картельное право. Именно в этой сфере и установлено наибольшее количество составов административных правонарушений. В частности, предусматриваются административные штрафы в размере от 100 до 5000 евро при совершении предприятием или их объединением умышленно либо неосторожно таких деяний, как непредставление либо неполное или несвоевременное представление истребуемых документов, предоставление недостоверных сведений, отказ от оказания содействия при осуществлении проверки предприятия.

Сформулированные в общей форме нормы конкретизируются в дополнительных отраслевых и межотраслевых международных договорах. Так, в Договоре об атомной энергетике ЕС, в Договоре ЕС об угле и стали содержатся нормы, устанавливающие административные штрафы в размере до 1 % годового оборота предприятия. Составы административных правонарушений, а также возможные административно-правовые санкции устанавливаются и в иных положениях и актах ЕС. Размеры административных штрафов исчисляются в среднем до 1 миллиона евро или до 10 % годового оборота виновного предприятия.

Широко распространены в европейском праве также нормы, устанавливающие составы административных правонарушений и административную ответственность в сфере транспортного движения, аграрном секторе, сфере защиты животного мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что право административных правонарушений Евросоюза регламентирует в основном вопросы административной ответственности корпораций. Практика признания юридического лица субъектом административной ответственности распространена и во многих национальных правовых системах.

Данный вопрос представляет особый интерес в связи с тем, что в последние годы юристы многих стран, в том числе и Беларуси, весьма активно обсуждают возможность

применения правовых санкций к юридическим лицам. Это вызвано рядом причин. Чаще всего указывают на сложность, а порой и невозможность установления конкретных виновных лиц в случаях совершения правонарушений, связанных с деятельностью предприятий. Иначе говоря – «нет души, которую можно проклинать, нет тела, которое можно пинать»[5, с. 386].

Долгие годы к юридическим лицам применялся только штраф, так как «компанию нельзя поставить перед барьером, отделяющим судей от подсудимых, и потому единственно возможной санкцией является штраф»[6, с. 182]. Однако до сих пор остается нерешенным вопрос о методе исчисления суммы штрафа с целью его максимальной справедливости и эффективности.

Например, в ФРГ критерии назначения денежного штрафа не являются точно определенными. Его размер зависит от степени виновности представителя предприятия. При назначении штрафа принимается во внимание не только само содержание противоправности деяния, представляющего исходный момент, но и вклад коллективного субъекта в генезис запрещенного деяния. Это открывает возможность смены направленности санкций – с физического лица на корпорацию.

В ряде стран штраф, налагаемый на компанию, исчисляется как многократный штраф за некоторые правонарушения граждан (во Франции – 5-кратный, в Литве – 100-кратный). Однако в большинстве случаев размер штрафа напрямую связан с финансовыми средствами корпорации и размером ущерба, вызванного правонарушением. При этом обычно устанавливаются максимальные размеры штрафов – от 1 до 20 миллионов USD. Повторное правонарушение, как правило, влечет больший штраф.

Следует отметить, что угроза большого штрафа поощряет в свою очередь возможные сделки о мере наказания. Например, в ФРГ в случае заключения соглашения с предприятием производство по делу прекращается, если корпорация выразит готовность к «взаимным уступкам», т.е. к заглаживанию вреда либо денежным инвестициям в определенные программы [7, с.31]. Таким образом, можно констатировать, что современные зарубежные методы определения суммы налагаемого штрафа далеки от совершенства. Солидные штрафы могут выбросить компанию из бизнеса и тем самым вызвать недовольство

наемных работников и акционеров, а незначительные штрафы вряд ли достигнут своих карательных целей.

Вот почему представляют интерес другие виды санкций, появившиеся в последние годы применительно к коллективным субъектам и, в особенности, различные виды ограничения предпринимательской свободы. Их цель – через введение ограничений прямо или косвенно повлиять на поведение корпораций. Среди них можно назвать: приостановление некоторых прав (Нидерланды, Финляндия); лишение предоставленных льгот (например, субсидий или налоговых преимуществ); запрет определенной деятельности (участия в публичных заявках на подряд выпуска конкретных товаров, заключения контрактов, рекламной деятельности, – Польша, Финляндия); регулирование организации и выпуска продукции (Нидерланды); смещение директора (ЕС); конфискация (Нидерланды, Финляндия); принудительная продажа компании (Япония); закрытие всего предприятия или его некоторых отделов (ЕС, США); публикация судебного решения (США, Финляндия, Нидерланды).

В современных условиях особый интерес представляет такая не известная нашему законодательству санкция, как публикация судебного решения. Здесь лучше действует такой принцип, как честная конкуренция, общество становится более информированным и соответственно корпорация больше заботится о сохранении своей репутации в средствах массовой информации. Безусловно, в СМИ информация может быть подана по-разному, да и порой сложно предвидеть возможную реакцию потребителей на разоблачение тайной деятельности компании. Однако во многих случаях сама угроза вынесения вопроса на всеобщее рассмотрение способна помочь достичь по возможности большего следования предписаниям правовых норм.

Однако представляется, что в любом случае корпоративные санкции, в отличие от индивидуальных, должны иметь превентивную направленность, которая оставляет возможность исправить свое поведение в будущем и привести свою деятельность в полное соответствие с законом.

Хотя между учеными разных стран до сих пор идут споры о субъектах административной ответственности, следует отметить, что в большинстве стран в качестве таковых признают исключительно физических лиц, достигших

ко времени его совершения установленного законом возраста, как правило, 16 лет.

С особой четкостью данные вопросы сформулированы в административном законодательстве стран СНГ, анализ которых показывает, что практически все они взяли за основу законодательство бывшего СССР, интерпретируя его к местным особенностям.

Следует заметить, что административное законодательство СССР находилось на достаточно высоком уровне развития по сравнению с аналогичным законодательством зарубежных, в том числе и социалистических стран, хотя там была проведена определенная кодификация административного законодательства, выразившаяся в принятии специальных кодексов по узкому кругу вопросов. Так, в Польше 14 июля 1960 г. утвержден Кодекс административного производства; в Чехословакии 12 июля 1950 г. приняты административно-уголовный закон, содержащий подробную регламентацию и квалификацию административных проступков во всех отраслях государственного управления, и уголовно-процессуальный кодекс, определяющий порядок административного производства при расследовании и рассмотрении административных проступков; в Венгрии 9 июня 1957 г. принят закон об общих постановлениях административного процесса.

Но первой социалистической страной, кодифицировавшей административно-деликтное законодательство в его современном понимании была Украина. Уже 12 октября 1927 г. был принят первый административный кодекс Украинской советской социалистической республики [8], имевший большое значение для развития административного права. Долгие годы это был единственный административный кодекс в СССР.

Он включал 15 разделов: общие положения; административные акты; меры административного воздействия; иные административные меры принудительного характера; трудовая повинность по предупреждению стихийных бедствий и по борьбе с ними; обязанности населения по охране общественного порядка; гражданство УССР, порядок его приобретения и утраты; регистрация и учет движения населения; общества и союзы, клубы, съезды и собрания; правила о культах; публичные зрелища, увеселения и игры; пользование государственным флагом СССР и печатями; надзор административных органов в области промышленности; надзор административных органов в области торговли;

порядок обжалования действий административных органов. Принятию Административного кодекса УССР предшествовала разработка в РСФСР в 1924 г. проекта административного устава, переименованного в 1925 г. в Административный кодекс, однако проект его так и не был утвержден.

Однако на этом процесс кодификации административного законодательства был надолго заморожен. Издавались лишь отдельные нормативные акты, регулирующие вопросы административной ответственности в той или иной сфере, причем как общесоюзные, так и республиканские. К моменту первой в СССР систематизации и кодификации законодательства об административных правонарушениях последнее состояло более чем из 500 разрозненных союзных и республиканских законодательных и правительственных нормативных правовых актов, которые зачастую дублировали, а то и противоречили друг другу.

Вместе с тем, например, в одном только 1979 г. в СССР к административной ответственности в виде наложения административного штрафа за нарушение правил пожарной безопасности было привлечено 333088 человек [9, с. 215–223]. Вследствие этого обществу и государству требовалась единая, доступная и понятная всем правовая база, используя которую, можно было бы развернуть в стране более эффективную борьбу с административными проступками, не нарушая при этом законные права и свободы человека и гражданина.

Первая комплексная систематизация законодательства об административных правонарушениях была предпринята лишь в 80-х годах XX века, когда в развитие положений союзной Конституции 1977 г. Верховным Советом СССР 23 октября 1980 г. были приняты Основы законодательства об административных правонарушениях. Они представляли собой «концентрат» передовой научной мысли и плод коллективного законотворчества всесоюзного и республиканского уровней. У истоков создания советского кодифицированного административного законодательства стояли такие выдающиеся ученые, как Б.М. Лазарев, А.Е. Лунев, Ф.С. Разоренов, В.М. Попова, Н.Г. Салищева, М.С. Студеникина, А.П. Корнев, Л.Л. Попов, М.И. Еропкин, А.П. Шергин, Д.Н. Бахрах, Ю.М. Козлов, Г.В. Алехин, В.Д. Сорокин, И.А. Галаган, Е.В. Додин, Б.Б. Хангельдыев, О.М. Якуба и другие. Благодаря их высокому профессионализму,

неуемной энергии, принципиальности сегодня мы имеем возможность творчески работать над созданием и совершенствованием (теперь уже в новых независимых государствах) концептуально нового административно-деликтного законодательства.

На основе этого акта во всех союзных республиках были приняты собственные кодексы об административных правонарушениях, многие из которых действуют до сих пор. Среди таких «старых» кодексов можно назвать Кодексы об административных правонарушениях Молдовы (принят 29 марта 1985 г.), Армении (6 декабря 1985 г.), Украины (7 декабря 1984 г.), Туркменистана (17 декабря 1984 г.), Таджикистана (5 декабря 1985 г.).

Относительно новое законодательство об административных правонарушениях действует в Азербайджане (11 июля 2000 г.), Грузии (23 июля 1999 г.), Казахстане (30 января 2001 г.), Кыргызстане (4 августа 1998 г.), России (30 декабря 2001 г.), Узбекистане (22 сентября 1994 г.). К «новым» кодексам можно отнести и КоАП Республики Беларусь, принятый 21 апреля 2003 г.

В этих кодексах уже прослеживаются определенные различия (в то время как кодексы 80-х годов были как близнецы походи друг на друга).

Как видно, пальма первенства в этой законотворческой работе принадлежит парламентариям Республики Узбекистан, которые еще 22 сентября 1994 г. за №2015-ХП утвердили Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности и ввели его в действие с 1 апреля 1995 г.

Поскольку детальный анализ правовых норм данного кодифицированного акта Узбекистана не является предметом исследования в настоящей статье, ограничимся лишь общим замечанием касательно того, что хотя Кодекс этой республики и получил новое наименование, но вместе с тем концептуально и доктринально он, по нашему мнению, все же представляет собой не совсем удачный симбиоз норм старого КоАП Узбекской ССР советского образца начала 80-х годов прошлого столетия и правовых новелл, появившихся в узбекском законодательстве в 90-е годы, уже после обретения республикой государственного суверенитета и независимости. Тем не менее это, безусловно, был шаг вперед.

Среди других кодифицированных актов, принятых в странах СНГ в 90-е годы прошлого столетия, хотелось бы назвать Кодекс

Кыргызской Республики об административной ответственности от 4 августа 1998 г. Анализ включенных в него правовых норм позволяет утверждать, что в нем, по нашему мнению, удачно нашли отражение глубокие изменения в политическом и экономическом развитии кыргызского общества в современных условиях.

Достаточно высокой оценки и внимания исследователей заслуживает Кодекс административных проступков Азербайджанской Республики, который вступил в силу с 1 сентября 2000 г. Проведенный сравнительно-правовой анализ основных норм и институтов нового Кодекса административных проступков АР и ранее действовавшего КоАП Азербайджанской ССР позволяет констатировать, что законодателям в целом удалось создать концептуально новый кодифицированный акт об административной ответственности.

Ввиду отсутствия официального варианта Модельного кодекса об административных правонарушениях стран СНГ, в отличие, например, от Модельного Уголовного кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств, который был принят 17 февраля 1996 г. на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, законодатели-административисты при разработке вышеназванных кодифицированных актов подчас вынуждены идти каждый своим путем, не учитывая достижения в правотворчестве и науке коллег из стран Содружества.

Сложившаяся ситуация, безусловно, не может быть признана позитивной, поскольку интеграционные процессы в странах СНГ все же продолжают набирать обороты, создаются новые межгосударственные объединения стран, к тому же результаты социологических опросов населения, проводимых в странах СНГ, указывают на то, что многие граждане бывшего Союза ССР до сих пор с трудом принимают его развал и ратуют за различные формы объединения бывших советских республик для достижения единых политических и экономических целей.

Объективно оценивая сложившиеся современные политическую и экономическую ситуации в странах Содружества, представляется разумным, не ускоряя искусственно интеграционные процессы, в том числе и правовые, постепенно и неуклонно создавать условия для унификации не только уголовно-правового пространства Содружества, но и

административно-правового, таможенного, налогового и прочего.

Однако детальный анализ административных кодексов стран СНГ показывает, что белорусский законодатель во многих вопросах оказался на порядок впереди остальных.

Во-первых, административное законодательство Республики Беларусь первым пошло по прогрессивному пути отдельной кодификации материальных и процессуальных административно-деликтных норм.

Во-вторых, для целей точного и единообразного применения терминов, используемых в Кодексе, белорусский законодатель счел необходимым дать законодательное определение некоторым его правовым понятиям. Но, представляется, что этот перечень достаточно скуп, ибо состоит всего из 8 терминов. А, например, Кодекс Кыргызской республики об административной ответственности содержит самостоятельный раздел «Понятия, используемые кодексом (VI-й раздел), в котором дается толкование 115 понятиям. По нашему мнению, такой подход хотя и загромождает законодательство, но способствует лучшему его уяснению.

В-третьих, белорусский законодатель существенно реформировал общее понятие административного правонарушения. Сохраняя такие основные его признаки, как противоправность, виновность и наказуемость деяния, кодекс вместе с тем, на наш взгляд, более четко определил их содержание. Это позволяет лучше ориентироваться в действующих административно-правовых запретах, соотносить свое поведение в соответствии с ним, делает более предсказуемой деятельность должностных лиц правоохранительных органов.

В-четвертых, новеллой административно-го законодательства является ст. 2.3. КоАП Республики Беларусь, именуемая «Покушение на административное правонарушение», где устанавливается, что покушением на административное правонарушение признается умышленное действие физического лица, непосредственно направленное на совершение административного правонарушения, если при этом оно не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. И далее приводится уточнение, что административная ответственность за покушение на административное правонарушение наступает лишь в случаях, прямо предусмотренных статьями Особенной части Кодекса. В законодательстве зарубежных стран такая детальная регламентация не проводится.

В пятых, аналогичной новеллой является и статья 2.4. КоАП Республики Беларусь «Соучастие в административном правонарушении», в соответствии с которой таковым признается умышленное совместное участие двух или более физических лиц в совершении административного правонарушения.

В-шестых, в ст. 4.1. Кодекса белорусский законодатель впервые в своей законотворческой деятельности предпринял попытку дать определение понятия административной ответственности. По мнению законодателя, выражается она в применении административного взыскания к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, а также к юридическому лицу, признанному виновным и подлежащему административной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом. Кстати, далеко не во всех кодексах стран СНГ имеется норма, определяющая понятие административной ответственности. Среди концептуально новых кодифицированных административно-деликтных актов, принятых в конце 90-х годов прошлого – начале нового веков, данное определение понятия приводится только в Кодексе Кыргызской Республики об административной ответственности. В ст. 14 Кодекса кыргызский законодатель определил, что под административной ответственностью понимается вид юридической ответственности применяемого судом (судьей), органом (должностным лицом) административного взыскания к физическому или юридическому лицу, совершившему административное правонарушение (проступок). В иных одноименных законодательных актах стран СНГ определение административной ответственности, к сожалению, отсутствует, хотя и имеются главы, ей посвященные.

В-седьмых, в КоАП Республики Беларусь впервые в административно-деликтном законодательстве стран СНГ установлен, по существу, 14-летний возраст наступления административной ответственности, хотя это и оговорено определенными условиями. Безусловно, о целесообразности данного нововведения можно вести долгие споры, но практика свидетельствует о серьезном обострении криминальной ситуации в молодежной среде, низкой эффективности прежних средств профилактики в изменившихся социальных и экономических условиях развития государства. При росте подростковой преступности отмечается повышение криминализации детей младшего возраста.

Это порождает ряд вопросов теоретического, правового и практического характера, требующих изучения и соответствующего решения, чему и положено начало в белорусском законодательстве.

В КоАП Республики Беларусь 2003 года также впервые предусмотрена административная ответственность такой категории лиц, как индивидуальные предприниматели, ужесточена административная ответственность военнослужащих и приравненных к ним лиц. Имеются и иные прогрессивные, на наш взгляд, новшества.

Вместе с тем КоАП Республики Беларусь образца 2003 года далек от совершенства. Особо много нареканий вызывает система административных взысканий. Во-первых, хотелось бы выразить крайнее удивление тому, что такой правовой механизм, как исправительные работы, остался в новой системе взысканий, несмотря на то, что имеются международно-правовые акты о запрещении принудительного труда и исправительные работы справедливо признаны мировым

сообществом нарушением прав человека и гражданина. Во-вторых, белорусский законодатель так и не решился назвать штраф административным, что, кстати, сделали законодатели многих стран СНГ, тем самым отграничив его от штрафа как меры уголовной ответственности. В-третьих, административные взыскания, за исключением предупреждения и штрафа, будут налагаться только судом, что, безусловно, должно будет повысить уровень соблюдения прав и свобод человека и гражданина, попавшего в механизм административно-правового принуждения, но чрезвычайно усложнит и загромодит работу судов и др.

О несовершенстве нового административного законодательства Республики Беларусь свидетельствует также многократное внесение в него изменений и дополнений еще до его вступления в силу. Посему изучение законодательства об административных правонарушениях зарубежных стран (и особенно вопросы его эффективности) должны оставаться в центре внимания белорусских ученых и законодателей.

Литература

1. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб, 1896.
2. Goldschmidt J., Das Verwaltungsstrafrecht: eine Untersuchung der Grenzgebiete zwischen Strafrecht und Verwaltungsrecht auf rechtsgeschichtlichen und rechtsvergleichenden Grundlage. 1902.
3. Lang H. Verbandsunrecht: Beitrage zur gesamten Strafrecht-wissenschaft: Festschrift fuer H. Mayer. 1966.
4. Wolf E., Die Stellung der Verwaltungsdelikte im Strafrechts-system. 1930. Bd. 2.
5. Coffe – Michigan Law Review, 1981.
6. Smith/Hogan. Criminal Law. 7th ed.
7. Heine G. Vollzugsdefizite, Programmangel oder Uberstrapazierung: Umweltsrafrecht im Rechtsstaat, 1995
8. СУ УССР. 1927. № 63–65. Ст. 240.
9. Татарян В.Г. Административная ответственность за нарушение правил, норм и стандартов, обеспечивающих пожарную безопасность: Моногр. Ереван: МВД РА, 1990.